

Татьяна Москвина

ЖЕНА
ЛЕЙТЕНАНТА
КОЛОМБО

РАССКАЗЫ В ЛИЦАХ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге собраны мои драматические сочинения разной судьбы. Есть пьеса-удачница – «Па-де-де», её играли в столицах и в провинции, дважды случились радиопостановки и даже вышел фильм «Не делайте бисквиты в плохом настроении» по третьей новелле. Время от времени я встречаю сообщения, что вот, в таком-то театре снова поставили «Па-де-де» и вздыхаю: ладно. Хоть бы пригласили... Автор-то жив. Ведь это положительно невероятно!

А есть сочинение, которое ещё никто не читал – такое оно заветное. «Изобретение женщины». Оно посвящено А. П. Чехову и ждёт своего воплощения. «Русские монологи» – зажили на сцене санкт-петербургского драматического театра на Литейном, но под именем «КотАвасия». «Проклятая любовь» идёт в театре на Васильевском, «Жена лейтенанта Коломбо» состоялась на «Радио России – Санкт-Петербург»... Но, в общем, конечно, я испытываю недостаток в публике. Когда идут спектакли, чувствую: она не дура, она меня понимает. Волнуется, хохочет, замирает... И досада берёт: отчего

между мной и зрителями стоит это неповоротливое тело,
современный театр!

Давайте обойдёмся без него, ага? На что нам вечер,
чаёк с мёдом и лимоном и – воображение! И не надо ни-
куда тащиться, и я с вами...

Я с вами, а вы со мной. Вы, люди. Я подслушивала вас,
я думала о вас, я сочиняла вас. Вы мне нужны – и как же
я надеюсь, что нужна вам!

Татьяна Москвина

РУССКИЕ МОНОЛОГИ

ФЕРДЫЩЕНКО

Сочинение по мотивам романа

Ф. М. Достоевского

«Идиот»

Фердыщенко – второстепенный персонаж романа «Идиот» – появляется перед зрителем не вдруг. Минутка у нас есть, чтобы разглядеть пространство, в котором он будет фигурировать во время действия. Автор сочинения мечтает о том, чтобы художник спектакля понял своеобразие нашего героя, и уж во всяком случае просит считаться с необходимостью присутствия: графина с водочкой, разнообразных изданий романа «Идиот» и – портрета женщины. Настасьи Филипповны, как вы понимаете...

Скрип двери. Появляется Фердыщенко.

Фердыщенко. Фердыщенко. Фамилия моя – Фердыщенко. А?

Разве можно жить с фамилией Фердыщенко? Нельзя. А я живу. О, нас таких миллионы... С дикими, уродскими фамилиями, которые чёрт его знает откуда и взялись на белом свете. Да, чёрт и знает! У русского чёрта известно вам, какая фамилия? Я точно знаю – Гоголь.

Вот нужно обозвать человека, действующее-то лицо, да так, чтоб посмешить читателя – обязательно дай ему дурацкую фамилию. Земляника, Перерепенко, Собакевич... Хи-хи-хи. И мой автор – туда же. Героев-то настоящих, которые с идеями, с любовями, как зовут? Иволгин,

Епанчин, Рогожин, Терентьев... Даже этим ничтожествам, что вокруг князя-идиота крутились, и тем отпустил приличные фамилии – Лебедев, Келлер, Бурдонский. А меня заклеил навеки, не просто фамилию дал – а придумал такого человека, который всю свою жизнь вывел из своей фамилии, сам лично, вот нарочно, назло под неё подлюю и подстроился. Раздавлен фамилией. Приговорён...

А начинается так благородно – Ферд... Фердинанд, ферма, фер лямур... Европа какая-то брезжит солидная и романтичная, с королями, с традициями, с вековыми порядочками... И тут это кошмарное «Ы». Ыыыыыы. Сидит европеец, умывшись, кофе накушался и талеры свои считает и вдруг ему в окно, доверчиво открытое, это «ЫЫЫЫ»... ФердыЫЫЫЫ... Это грязная рогатая Азия свою морду просунула. Но тут не просто одно только скотское мычание, о нет, если бы так! Тут ещё ужас подземный, чёрная мистика, тупой и ужасный вой природЫЫЫ...

И после этой трагической встречи европейского Ферда и азиатского ЫЫЫ – идёт какая-то ерунда, какой-то скотный двор, визг и писк, щенки и кошки драные... Ферды-щенки! То есть ничем не закончилось наше столкновение, наше бодание-то с Европой – всё расплылось в чушь и дурь, в щепки и тряпки. В это презрительное «щенки». И каков должен быть человек, рождённый с такой фамилией? Ходячий парадокс, шут гороховый. Он ведь с детства привыкает – называешь свою фамилию, и на тебя как-то особенно смотрят. Точно вот чего-то ждут... Уже заранее что-то знают про тебя...

Например, совершенно невозможно, чтоб такой человек, с фамилией-то Фердыщенко, и водки вдруг не пил.

(Наливает себе из графинчика.) Невероятно! Фердыщенко – и не пьёт! Фердыщенко обязан пить, и не по-мещански, со вздохами, рюмочки пропускать, а по-настоящему пить, с размахом, соразмерно своей родине и сообразно фамилии, скотски, залихватски, можно сказать – профессионально пить. Про меня автор изволил во второй части своего сочинения написать следующее... (Ищет место в книге, листает.) Чёрт, это китайское издание... это на немецком... это что? Шведский, что ли? Нечего сказать, прославил на весь мир... А, вот по-русски... «Фердыщенко съехал куда-то три дня спустя после приключения у Настасьи Филипповны и довольно скоро пропал, так что о нём и всякий слух затих; говорили, что где-то пьёт, но не утвердительно».

Это и значит – пить профессионально, когда на вопрос – «а что он делает?» – люди уверенно отвечают: «пьёт». Но хотя бы не оболгал человека совершенно, указал – «говорили, что где-то пьёт, но НЕ УТВЕРДИТЕЛЬНО»... Как меня зовут, как моё имя родовое, автор не написал, а вот что говорят про меня – счёл нужным обозначить в точности. Какая забота! Какой человеческий попался мне автор! (Выпивает стопочку.) Выпиваю я умеренно, кстати, чаще всего за компанию да по случаю, в запоях не бывал и до такого безобразия, как генерал покойный Иволгин, не доходил... Ну, мы не князья, не генералы, убожество наше ничем не прикрыто. Мы Фердыщенко! Вот – чисты и откровенны, и как на ладони Божьей сидим и отвечаем.

Нам слово дали – вот что удивительно. Раньше-то, в текстах-то, которые господа писали, всё больше князья да генералы рассуждали, и вдруг Фердыщенко разрешили

говорить! И правильно, и верно! Князей да генералов не много на свете, а Фердыщенко-то мильёны. И когда нам всем разрешат говорить, о, какой правдой зальётся тогда мир – настоящей, густой, вонючей правдой, а не фантазиями этого идиота... Потому что он ведь был настоящий идиот.

Мне ли не знать. Я сразу тогда написал в донесении – идиот чистых кровей, вредного образа мыслей и непредсказуем. Я был полицейский агент и на своём участке знал всех жильцов, и о новых лицах обязан был докладывать в часть незамедлительно. Жалованье платили. На это и жил, как выгнанный со службы и не имеющий иного дохода. На взятке меня повязали, а давали-то не мне, а при мне, товарищу моему, а я тогда не донёс. Взятка была подложная, столоначальник новый подчинённых своих проверял, а я и был ему подчинённый... Места я лишился, и дело на меня завели по доносу, пустое дело, дескать, я и раньше брал, потому и смолчал... Я запил, буянил, в участок попал, а там-то, в полиции, они возьми да и предложи, что-то смекнули они тогда, на меня глядя – вот Фердыщенко, шут и пьяница, на него никто не подумает, полезный будет агент. И дело моё растаяло, зажил я королём испанским!

Но недолго. Раскусили Фердыщенку, раскрыли Фердыщенку... Шептались про меня. «При этом при господине, дескать, нельзя ВСЕГО говорить». Чего ВСЕГО? Кому эти насекомые людишки вообще нужны были, кроме меня и полиции? И что обидно – ведь это генерал Иволгин, сумасшедший и безобразный, ляпнул просто так, чтоб меня обгадить, а Лебедев, чиновник, подхватил и разнёс, подхватил и разнёс, как злобная муха. А я ничем себя не выдал – кто ж мог угадать, что этот фантастический гене-

рал ткнул пальцем в небо и взял да попал! Не поверили, но не выгнали. На другой участок перевели, потом, уже после всего... Ну, после того... Когда Настасья Филипповна... Когда Настасью Филипповну... Когда Настасьи Филипповны... не стало...

Я тогда жил в Петербурге, на квартире Иволгиных. Там мамаша комнаты сдавала жильцам, у неё дочь была, Варвара, сердитая такая девица крысиного вида, сыночек Гаврила, Ганя по-домашнему, глядел Наполеоном, а по моему, просто неудачник озлобленный и без никаких талантов, потом мальчишка болтливый, Коля. И генерал наш, Ардалион, краснорожее чудовище, нахал и врун, каких свет не видывал. И ещё про меня осмеливались говорить, что я пью, когда генерал Иволгин, от горя, что разжаловали и только что под суд не отдали, пожалели за семью и преклонный возраст, пил два года без продыху, каждый Божий день. Он растратчик был, казённые деньги на одну вдову спустил, и с этой вдовой, капитаншей Терентьевой, продолжал якшаться, и ночевал у неё, и все знали. Сынок этой самой капитанши, Ипполит Терентьев, ядовитый юноша, потом целую исповедь сочинил и читал нам под липами, в Павловске, когда мы все у князя сошлись... Ипполит этот чахоточный – нахал, и дурак, и лгун, и весь обшит претензиями к мирозданию: как это, дескать, я, такой прекрасный, умирать должен, а всем плевать! Застрелиться хотел, при нас прямо, на глазах у князя, а капсуля в пистолетик забыл положить. Смех один!

Что его мамаша пьяного дурака генерала обирает, а он на эти деньги живёт – ему плевать. А что его высочество Ипполит Терентьев умрёт, как всем тварям положено – тут мы бунтуем и пишем тетради протеста. Да

что с того, что ты умрёшь? Тебе, может, и родиться-то не стоило вовсе. Царь Соломон умер, Христос умер, Наполеон умер – и ничего, никаких исповедей не писали и перед мирозданием протестных танцев не исполняли. Тварь своё место знать обязана. Я знаю. Мне от рождения сама судьба ткнула в голову: ты – Фердыщенко. Ферд-ы-щенко. Я тварь. И нет про меня никакого замысла. Дунул Господь в глину – а дыхание мимо прошло и в меня не попало. Ну, может, крошка какая-то. Может быть... Так что теперь, письма Ему писать? Как хотите, а это наглость. Я перед людьми нахал, а перед Богом – смиренная тварь. Мне нравится быть тварью...

Выпивает стопочку.

А зовут меня Пётр Петрович. Да... В конце ноября... двадцать седьмого числа. Приводит Ганя Иволгин к нам домой этого князя, и шепотком сообщает, что приехал из Швейцарии залеченный идиот, молодой, нищий, фамилия Мышкин, в доме у Епанчиных был и понравился там девицам и генеральше. Дальний родственник их какой-то. Сказал, что князь, может, и не идиот вовсе, а плут и проходимец. Мышкин, идиот! Я даже расположился к нему – фамилия, хоть не такая комедийная, как у меня, но всё-таки смешная. Детская какая-то.

Я так себе представил: войду и скажу – «Фердыщенко». А он ответит: «Мышкин». И мы оба, может, засмеёмся. Как будто равные... Может, подружимся потом. Всякое бывает! По крайней мере, он начнёт болтать, будет что написать в донесении. Швейцария! Шутка сказать, там одни анархисты да террористы засели, им наши миллионщики напокупали шато да шале, дворцов и зам-

ков по-русски, чтоб, значит, не забыли в революцию всех порезать, а их пощадить. Анархисты по горам голыми бегают, вместе со своими распутными дамочками, и псалмы революционные поют. Приближают бурю... Что это вдруг князь какой-то на голову Епанчиным свалился? Не иначе, как по заданию. Может, мне премию за этого идиота дадут...

«Я Фердыщенко. – А я Мышкин!» Ха-ха. Я когда Настасье Филипповне представлялся, так и вышло. Я ей – «Фердыщенко моя фамилия. Разве можно жить с фамилией Фердыщенко?» А она засмеялась и отвечает: почему нельзя, я вот – Барашкова. И стала у себя принимать. Тут генерал Епанчин сидит, Афанасий Иванович Тоцкий, большой барин, сидит, и – вот он я сижу! Вообразить невозможно! Вот оттого и принимала, что – вообразить невозможно. Я у неё как символ свободы был, что ли. Так она свою волю заявляла: захочу – и Фердыщенко рядом с вами сядет и шампанское будет пить. Voila! Перед ней, как перед Богом, все оказывались равны...

Что, думаете, я влюблён в неё был, как все? Ничего такого. Я никогда ничего такого не чувствовал. Конечно, смотреть на неё хотелось. И ужасно было приятно, как она всех князей и генералов третировала, как будто любые звания да титулы ей безразличны, понастоящему безразличны, не притворялась она никогда. Но – я любви не имею. Не действуют на меня чары никакие. Я всегда всех вижу ясно-ясно, как будто на душу мне очки надеты, да что там очки – микроскоп! Вижу всё. Какая тут любовь. Ходил я тогда к одной торговке, у неё своя лавочка была на Сенной, и краденое сбывала, всё полиции боялась, я прикрывал. Баба как баба, из

Окуловки, бывшая крепостная. Крепость только-только отменили, шесть годов как прошло, бабы сразу осмелели. Марфуша моя батистовое бельё завела, кофе стала пить... из квасной кружки. От эдакая бадья! Она, конечно, говорила «кофий»... «Пётр Петрович, кофию откушать!» Ей моя фамилия нравилась, громкая, говорит, фамилия, военная. С чего взяла... Сама-то Иванова была... Гитару мне купила... Прилягу, бывало, у неё, чижик в клетке верещит, кот шляется... серый, полосатый, бока что твои бочки с капустой, от такие бока... тихо... занавесочки белые чуть шевелятся... вот точно ты умер, а вместе с тем жив... Повязали мою Марфушу, не доглядел я... Всю шайку взяли... Дали четыре года. На каторге и померла.

Выпивает стопочку.

Вот такой я человек – и у Марфуши на перинах валяюсь, и в гостиной у Настасьи Филипповны преспокойно расхаживаю, и ничего! И свободно! Начальник мой, квартальный, на меня дивился – куда ты только, грит, Фердыщенко, не пролезешь. Меня к нему к самому пускали с докладами...

А в тот день я сразу решил этого князя Мышкина прощупать, чем он дышит. Вхожу. Сразу масочку надел... Человеку, когда он не один, без маски нельзя! Это как будто голому войти. Один ты перед Богом, какой есть и кривляться тогда нечего. А завелся рядом другой – маску, маску поскорей. Роль играть. Нельзя перед другими со своим лицом! Потому что – не знаем мы, что у нас за лицо, сами себя мы не понимаем и не поймём никогда. Вот ещё совет глупости космической – будь, дескать, самим собой.

Да это невозможно совсем, ни в какой стране, ни в какое время даже, ни с каким человеком, потому что мы... чёрт знает что такое мы. Когда кухарка суп варит, и пихает в бульон кореньев и овоща всякого, то понятно в конце концов, что варево это как-то называется и его можно сожрать. А мы – наврчено такого, что и назвать нельзя, и съесть... хм. Пожалуй, что съесть можно. Хм... это я не додумал... Я только хотел сказать, что маска у меня под рукой всегда, маска моя шутовская, где рожа весёлая и будто бы моя – намалёвана. С глазком таким подмигивающим. Мол, вот он я каков!

Без всяких экивоков. Вошёл и сразу в лоб ему, этому князю Мышкину: Фердыщенко!

Там комнатка была тёмная, дрянь комната, кровать железная, стол... Мебель-то Иволгины у чиновника одного, что съезжал, у пьяницы, купили по случаю. Когда мамаша решила жильцов пускать. Чтоб еще хуже, чем они сами, нищих найти и любоваться. На всяких Фердыщенко любоваться. А раньше-то в бельэтаже ведь живали, генеральская семейка!

Он сидит на кровати, узелочек свой швейцарский развязал, там бельишко, трубочка. Он трубочку набивал, охота была покурить, значит. Белёсий такой, глаза светлые... совсем. И смотрит. Как будто давний приятель или друг даже мой, так весело смотрит. И ведём мы с ним такой диалог.

Я говорю – «Фердыщенко!»

Князь отвечает – «Так что же?»

Я тогда понял, что он действительно и в самом деле натуральный князь. Это их повадки. Их кто-то должен представить, или они сами представляются, а если к ним просто

так подойти и назвать себя – они только будут улыбаться да щуриться. Это уж такая порода выведена подлая. Это они благородством называют.

Я говорю ему про себя – «Жилец».

Князь отвечает – «Хотите познакомиться?»

Ткнул меня носом в неприличие моего поведения, значит. Учтиво и вежливо. Я должен был постучать, войти, поздороваться и отрекомендовать себя. А я вошёл без пARDону и бряк – фамилию. А он ничего не чувствует! И не сказал просто, по-человечески, как я мечтал: «Фердыщенко? А я Мышкин»...

И мы бы рассмеялись. И я бы ему многое рассказал про семейку Иволгиных, да и про Настасью Филипповну имел в запасе, уж я бы его подготовил и не шлёпался бы он всякий раз на каждом шагу в лужу.

Я рассердился. «Э-эх!» – говорю. Сел. Ну, думаю, надо забрать покруче, чтоб спесь с него сбить княжескую, чтоб изумить его до основанья. Так-то он мне понравился, правду сказать. Мягкий, нежный, как шарфик шёлковый. Голоса не повышает и смотрит ласково. Сразу видно, что идиот. Маски у него не было, понимаете – было своё лицо. А зачем идиоту маска? Что ему скрывать? Ведь это-го ничего не скроешь.

Я его спрашиваю про главное – «У вас деньги есть?»

Он отвечает как идиот – «Немного».

«Сколько именно?»

«Двадцать пять рублей».

Слушайте, кто ж так отвечает! Разве может взрослый вменяемый человек взять и ответить первому встречному, сколько денег у него в кошельке. Я не поверил сначала. Говорю – «Покажите-ка».

А он вынимает из жилетного кармана бумажку в двадцать пять рублей и даёт мне в руки, спокойно, как будто соседу по обеду салфетку передал – губы обтереть. Я таких людей ещё не видывал и Бог даст – и не увижу никогда. Хватит с меня князя Льва Николаевича по гроб жизни. Я, Фердыщенко, шут и пьяница, отставной чиновник, сожитель Марфуши Ивановой, которая краденым на Сенной торговала, полицейский агент-осведомитель по кличке «Испанец» (они меня Фердинандом, королём испанским всё дразнили), битый мачехой, отцом сечёный, потасканный как старый башмак, а мне тогда тридцать пять всего было – я, я, я... растерялся!

Дал он эту бумажку, а за каким она мне шишом? Себе в карман не положишь, мы не в подворотне. Да я и не вор... по крайней мере, у безумных князей на своей квартире не вор. Верчу я бумажку и мелю всякий вздор. «Довольно странно, – говорю, – отчего бы им буреть? Эти двадцатипятирублёвые иногда ужасно буреют, а другие, напротив, совсем линияют...» Это я хотел показать, что в таких бумажках-то, в двадцатипятирублёвых-то, знаю толк, видал-перевидал я ваши бумажки... А всё врал, больше пяти целковых у меня в ту пору и не бывало... И с чего им, двадцатипятирублёвым царским лебедям, буреть али напротив того, линиять? Князю-то, разумеется, ничего такого знать в Швейцарии не полагалось. Он и не знал. Да и знал бы, промолчал. Не тем его голова идиотская была занята – он же приехал мир переворачивать, рай тут обустроить небесный...

Вернул я бумажку. Князь молчит. Надо что-то объяснить – думаю. «Я пришёл, – говорю, – вас предупредить: во-первых, мне денег взаймы не давать, потому что я непременно буду просить...»

Князь на это изволил молвить коротко и ясно, прямо как Христос: «Хорошо», – говорит. Одно слово: хорошо!

– «Вы платить здесь намерены?»

– «Намерен»

– «А я не намерен; спасибо. Я здесь от вас направо первая дверь, видели? Ко мне постарайтесь не очень часто жаловать; к вам я приду, не беспокойтесь. Генерала видели?»

– «Нет»

– «И не слышали?»

– «Конечно, нет»

– «Ну, так увидите и услышите; да к тому же он даже у меня просит денег взаймы! Avis au lecteur». – Это я ввернул по-французски, «предупреждение», значит, чтоб он понял – я тоже... я учился... одним словом, сам не знаю, зачем ввернул, выставиться хотел перед князем! Сознаю подлость. Но это всё в маске, в маске...

Сказал «прощайте» и стал уходить. Что ж, думаю, так и расстанемся, что ли! Он всё смотрит ласково, но как будто уже и с насмешкой... Или мне показалось?

– «Разве можно жить с фамилией Фердыщенко? А?» – спрашиваю.

– «Отчего же нет?» – удивился князь.

Нашёл кого спрашивать. Он ведь не прикидывался, он в самом деле не понимал, ему всё было неважно – то, что нам, нормальным здоровым людям, важно, что составляет главную заботу, да что там – самую суть нашей жизни. Вот я Фердыщенко – а ему всё равно. Ничего не значит. Деньги есть? И он из кармана вынимает и отдаёт. Я тогда понял: это страшный человек, это опасный человек, и страшнее этого человека быть не может. Он всех нас погубит.

Сидит такая овца швейцарская, в штиблетишках, трубочку раскуривает, смотрит на тебя так... вот так смотрит... как на этом свете не смотрят! Тут запрещено ТАК смотреть! Я с ним пяти минут не пробыл, а ушёл весь в поту, хорошо, генерал Иволгин выручил – припёрся, так я и смылся с форсом – вот, дескать, предупредил тебя, князь, стало быть, не зря визит. Визитик мой. Между прочим, визит вежливости, от жильца жильцу, если без княжеских штучек. Раз ты жилец, то на одной ноге со мной, а я не обязан знать, кто ты такой. Он мне даже и не представился!

У себя я тогда заперся и выходить не хотел. Слышу – галдят, орут... Это каждый Божий день такие сцены были, но тут что-то меня стукнуло... Слышу – голосов что-то больно много. Я и сунулся в гостиную, а там... Настасья Филипповна.

Я и не слышал, как она приехала. У нас колокольчик тогда оборвался, а починить было некому – у нас ведь всё генералы жили да Наполеоны... липовые. Хаос неприличнейший. Совсем невозможно было Настасье Филипповне приезжать в эту квартиру, нищую квартиру подлеца Ганьки Иволгина, которого ей генерал Епанчин присватал. За семьдесят пять тысяч. Хотел приданое дать, чтоб подлец Ганька женился, а потом свою жену... ему, генералу, и передал. Таковую выдумал комбинацию, и верил, что всё по его генеральской прихоти выйдет, как всегда всё и выходило.

А тут не вышло. Съел гриб генерал! Как она над ним посмеялась! И над всеми... Смотрит по сторонам – вы что, говорит, жильцов пускаете? Где ж тут ещё и жильцов держать? Хохотала. Генерал наш, Ардалион, во всей красе

ввалился, и князь тут же путается и во всё мешается, словно он уже родственник. И как-то они сразу поглядели друг на друга странно. Князь и Настасья Филипповна. Первый раз встретились.

Он мимо прихожей шёл и услышал оборванный колокольчик. Отпер дверь – а там она. Приняла его за лакея, шубу на руки скинула! Я ей потом шепнул, что – это князь, идиот, из Швейцарии... Она удивилась: что ж князь не признался, смолчал, что он не лакей, а я-то уж ничему после той двадцатипятирублёвой бумажки не удивлялся. Это нормальный человек обижается, если его за лакея примут, в спор вступит, покраснеет, закричит... я вам не лакей! А этому – какая разница? Приняли за лакея – так что же? Отчего же нет? Он вообще не чувствовал унижения, как будто его невозможно унижить. Ничем.

Понять этого нельзя, но это было так. Я-то всю жизнь страдал от унижений и маску надел как броню, чтоб самому себя унижать и не дожидаться, когда другие это сделают, потому что желающих тьма тьмуцая. Всегда. Которые в каретах разъезжают, тем не понять... Но их тоже можно унижить, пусть не воображают, найдётся вышестоящее лицо, да и над тем лицом сыщется другое вышестоящее... всё выше и выше, и выше... и над самым-самым вышестоящим из вышестоящих всё равно стоит – Судьба. А не судьба, так Смерть-матушка! О, найдётся кому ткнуть твоё гордое лицо в дерьмо, в самую жижу...

Но это наши законы. А ему они были не писаны. Он и не понимал, что быть принятым за лакея – унижительно, обидно! Он даже не понимал, что быть лакеем – обидно. Он с лакеями разговаривал так же учтиво и вежливо, как с нашими генералами. Чёртов демократ! И он совершенно

не верил в судьбу! И не боялся смерти – нисколько... Он эту сволочь Парфёна Рогожина, который на него с ножом бросался, считал братом...

Да что там вилять, скажу начистоту: в него все влюблялись с первого взгляда, с первого слова. Посмотрит в глаза – и всё кончено, душа вздрогнула и запела, точно птица на рассвете, когда солнце показалось и зазвучало на небе... Генерал Епанчин, тупая говядина, колода козявая, отпетый карьерист, дубина, жулик, аферист и взяточник – и тот попался! В глаза князю посмотрел – и был сражён навеки, и другом стал в ту же минуту, и должность предложил, деньги стал пихать в карман, к жене и дочкам повёл... Да что там, когда даже я вздрогнул! Вздрогнул, но не влюбился. Нет, не влюбился. Испугался я его, вот это точно... Дрожь меня пробирала его слушать...

Выпивает стопочку.

Я помню, тогда, у Иволгиных, Настасья Филипповна спрашивает нашу Мышку: «Скажите, почему же вы не разуверили меня давеча, когда я так ужасно... в вас ошиблась?»

Тот бормочет, дескать, удивился, увидя вас так вдруг.

– «А как вы узнали, что это я? Где вы меня видели прежде? Что это, в самом деле, я как будто его где-то видела? И позвольте вас спросить, почему вы давеча остолбенели на месте? Что во мне такого остолбняющего?»

Я так и взвился – «Ну же, ну! Да ну же! О, господи, каких бы я вещей на такой вопрос насказал! Да ну же... Пентюх же ты, князь, после этого!»

Я дрожал весь внутри, но я же был в маске, в маске, а в маске всё возможно, ведь знают меня как человека

развязного, может быть, даже и немножко хама, может, и не очень-то немножко, но это и прекрасно. Для живости в обществе так и надо! А что они стоят столбами и друг на друга смотрят, как привидения! Где они могли видаться раньше, понятно – на том свете где-нибудь. Или в прошлой жизни, как индусы говорят, где-нибудь в цепи перерождений, когда я валялся свиньёй или рыскал жуком по навозу... Он был, например, её рыцарь бедный и верный, господний паладин, а она какая-нибудь дама из свиты Девы Марии. Они давно были знакомы, я никогда в том и не сомневался...

Князь посмотрел на меня – посмотрел, в глаза мне глянул! – засмеялся. «Да и я бы насказал на вашем месте...» И к ней, к ней повернулся. «Давеча меня ваш портрет поразил очень, потом я с Епанчинными про вас говорил... а рано утром, ещё до въезда в Петербург, на железной дороге, рассказывал мне много про вас Парфён Рогожин. И в ту самую минуту, как я вам дверь отворил, я о вас тоже думал, а тут вдруг и вы».

- «А как же вы меня узнали, что это я?»
- «По портрету и...»
- «И ещё?»
- «И ещё потому, что такую вас именно и вообразил... Я вас тоже будто видел где-то...»
- «Где? Где?»
- «Я ваши глаза точно где-то видел... да этого быть не может! Это я так... Я здесь никогда и не был. Может быть, во сне...»

Ай да князь! Я заорал, чтоб сбить всю эту мистику, а то напустили туману... «Ай да князь! Впрочем... впрочем, ведь это он всё от невинности»... добавил я как бы

с глубоким сожалением. Ловко выделанным сожалением, что вот, жалею я нашу Мышку, нашего больного, который от невинности так красиво и мило врёт. Как записной ловелас и совсем в рыцарском духе – видел Даму во сне, ах-ах.

На моих глазах приготавливалась трагедия, на моих глазах. Тут генерал Иволгин начал выступать с коронными своими номерами... Он был помешан на своём значении, на своей роли в истории... Обыкновенное дело. Где найдёшь такое ничтожество на Руси, чтоб себя Наполеоном не воображало? Разве что я. И уже по одному этому я – не ничтожество. Фердыщенко плут, Фердыщенко шут, но не пустота. Фердыщенко – это уже что-то!

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА